

ЧЕСНОВ П. В.

ЛОГИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ МЫШЛЕНИЯ КАК ЗНАЧЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ

Логические формы мышления (такие, как суждение, вопрос, побуждение, объединяющая их более общая форма — логема [1—6], понятие, умозаключение и разновидности этих форм) в силу их обусловленности потребностями процесса познания и, в конечном счете, потребностями практической деятельности людей являются общечеловеческими. В связи с этим воплощение логических форм в определенных грамматических формах (единицах) обуславливает универсальный характер последних и, следовательно, общие структурные черты всех языков мира. Универсальными следует признать, например, слово и предложение [7; 8, с. 110; 9, с. 122], а также основные коммуникативно-функциональные типы предложений — повествовательное, вопросительное и побудительное предложения.

Однотипность мышления всех людей и, следовательно, единство логического строя мыслительной деятельности людей, говорящих на разных языках, не раз подчеркивали классики марксизма-ленинизма, а также многие логики, психологи и лингвисты. «Так как процесс мышления, — писал К. Маркс, — сам вырастает из известных условий, сам является *естественным процессом*, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития, следовательно, также и от развития органа мышления» [10].

Согласно утверждению выдающегося русского лингвиста А. А. Потебни, «логические категории... народных различий не имеют» [11, с. 69].

Однако при общности логического строя мышления протекание мыслительной деятельности на базе конкретных языков с неодинаковым грамматическим строем порождает определенные различия во внутренней организации мысли, которые не обусловлены потребностями процесса познания и не определяют познавательных возможностей человека. Поэтому они не представляют интереса для логики и гносеологии. Такие различия наблюдаются также в рамках одного языка при переходе от одного этапа исторического развития к другому.

Основываясь на результатах наблюдения, а значит, на фактических данных, А. А. Потебня отмечал, что «языки различны между собой не одной звуковой формой, но всем строем мысли, выразившимся в них» [11, с. 69].

Таким образом, кроме логических форм мышления, порожденных процессом познания и в связи с этим общечеловеческих по своей природе, существуют чисто структурные формы мыслей, связанные с особенностями конкретных языков и, следовательно, национальные по своему характеру, которые, естественно, могут совпадать в различных языках и, наоборот, быть неодинаковыми при оформлении идентичного содержания в одном и том же языке. Назовем их с е м а н т и ч е с к и м и ф о р м а м и м ы ш л е н и я.

Поразличение логических и семантических форм мышления ведет к серьезным ошибкам, среди которых можно выделить две крайности.

Первая крайность — это сведение всех форм мышления к логическим, свойственное логическому направлению в языкознании («Грамматика Пор-Рояля», К. Беккер, Г. Герман, Н. И. Греч, частично Ф. И. Булаев [12—14]). Справедливо квалифицируя логические формы мышления как единые для всех людей и признавая формы языка воплощением этих форм, представители указанного направления трактуют и языковые формы как

универсальные, усматривая специфику языков лишь в звуковом составе, а не в значении их форм.

Вторая крайность — сведение всех форм мышления к семантическим под общим названием «логические формы», характерное для неогумбольдтианства, и приписывание в связи с этим национальных различий логическому строю мышления [15].

С другой стороны, признание как общечеловеческих логических форм, так и национальных семантических форм мышления при игнорировании диалектики общего и отдельного может вести к разрушению единства человеческого мышления — метафизическому разделению и противопоставлению в нем двух сфер, двух типов мыслительной деятельности — языкового и надязыкового (логического) мышления, что свойственно, например, представителям психолизма.

Г. Штейнталь считает, что язык есть особое мышление, протекающее по своим самобытным законам и в формах, отличных от форм логического, неязыкового мышления [16].

«Язык есть тоже форма мысли, но такая, которая ни в чем, кроме языка, не встречается», — заявляет А. А. Потебня [11, с. 70].

Аналогичные взгляды высказывают Г. Пауль и О. Есперсен [17—19].

Во второй половине XX в. разграничение и противопоставление двух разных типов мышления — логического и языкового — наблюдается в концепции двух сфер преломления действительности при ее отражении в сознании человека — сферы мышления и сферы языка [20, 21].

Между тем «...отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее» [22, с. 318]. Это значит, что логические и семантические формы существуют в неразрывном единстве, как две стороны единого процесса организации мысли, протекающего в одной сфере языкового мышления. Логические формы как универсальные способы построения мысли, как общие структуры единиц мышления всегда реализуются в более частных, национальных по природе структурах мысли, связанных с особенностями грамматического строя конкретных языков, — в семантических формах мышления [23—25].

Утверждение, что семантические формы не обусловлены потребностями процесса познания и не определяют познавательных возможностей человека, не означает, будто мышление могло бы осуществляться без них. Любая из семантических форм не является необходимой для формирования мысли, любую из них можно заменить другой, выразив отражение того же факта объективной реальности с помощью единицы языка, имеющей иную грамматическую форму, т. е. каждая конкретная семантическая форма факультативна для мыслительной деятельности, однако в любом случае мысль должна быть облечена в какую-нибудь семантическую форму, что свидетельствует об облигаторности категории семантических форм в целом. Каждая же логическая форма необходима для мышления сама по себе, не может быть устранена без ущерба для него, не может произвольно заменяться другой логической формой. Замена одной логической формы другою изменяет роль мысли в мыслительном процессе, несмотря на отражение прежнего факта действительности (например, замена понятия *плодородные донские земли* суждением *Донские земли плодородны*).

Не следует подменять понятие факультативности конкретных семантических форм мышления с точки зрения общечеловеческого процесса познания (конкретных форм, а не категории семантических форм в целом!) понятием факультативности специфических форм, присущих определенному языку, для мышления на этом языке. В результате такой подмены Б. А. Серебренников приписывает сторонникам концепции семантических форм чуждое им утверждение, будто и для мышления на данном конкретном языке все обусловленные им семантические формы не являются необходимыми, которое затем обоснованно оспаривается [26, с. 132]. Разумеется, те семантические формы, без которых невозмож-

но осуществление мыслительного процесса на данном конкретном языке, необходимы для мышления на нем и для условий, при которых может быть использован только этот язык, но они факультативны для общечеловеческого процесса познания, так как могут быть заменены другими при мышлении с помощью иного языка. Разграничение логических и семантических форм мышления, по мнению Б. А. Серебренникова, означает неправомерное исключение семантических форм из сферы логического познания [26, с. 144—145], в то время как в работах, критикуемых Б. А. Серебренниковым, специально подчеркивается неразрывное единство логических и семантических форм, их принадлежность к одной сфере языкового мышления, которая, естественно, представляет собой область логического познания и включает в себя, кстати, кроме логических и семантических форм, также и наполняющее их содержание. Из сказанного вытекает, что Б. А. Серебренников в рассматриваемых случаях подвергает критике сформулированные им самим положения, которые он приписывает другим авторам.

Хотя семантические формы безразличны для логики и теории познания, их изучение необходимо для языкознания, так как без них невозможно воплощение мысли в конкретных формах языка, и материальные формы языка как способы организации языковой материи, как определенные структуры плана выражения не могут быть квалифицированы (истолкованы) и отнесены к определенной категории без учета выражаемых ими семантических форм мышления, которые, в сущности, составляют их собственно грамматическое значение, следовательно, определяют их функциональную роль в речи. Будучи национальными или присущими лишь ограниченной группе языков, семантические формы вместе с воспроизводящими их грамматическими формами образуют специфические черты конкретных языков или языковых групп. Целый набор таких характерных черт может выступать в качестве типологической характеристики отдельного языка или языковой группы.

Исключительное многообразие семантических форм не позволяет описать каждую из них в отдельности. Однако представляется возможным наметить восемь основных параметров этих форм, в рамках которых может быть описана любая семантическая форма. Эти параметры едины для всех языков. Различия между конкретными семантическими формами и, следовательно, между определенными языками, которым присущи те или иные семантические формы, состоят в конкретных характеристиках форм в рамках каждого параметра.

Первый параметр — степень расчлененности содержания при отражении действительности.

Одно и то же содержание при построении мысли структурно может быть расчленено на большее или меньшее число компонентов (сегментов) или совсем не расчленено.

При аналитическом способе выражения отношений между предметами и явлениями предмет и отношение к нему мыслятся раздельно, противопоставляясь друг другу, при флективно-синтетическом — слитно. Это значит, что различие между языками аналитического строя и языками флективно-синтетического строя связано с раздельным и слитным отражением предметов и отношений к ним.

В латинском *fratris liber*, как и в русском *книга брата*, отношение книги к брату (принадлежность) мыслится одновременно с братом благодаря их выражению одним словом. Противопоставление отношения предмету полностью исключается. Уже в народной латыни начинает использоваться предлог для раскрытия отношения к предмету (*liber de fratre*) [27, с. 106, 109]. Аналитический способ выражения отношений закрепляется в современных романских языках (ср. франц. *le livre du frère*). Раздельное осмысление отношения и предмета при наличии предлога доказывается появлением идеи отношения до произнесения имени: если в приведенных примерах слово *брат* по какой-либо причине не будет произнесено и прозвучит только *liber de...* или *le livre du...*, у слушателя все же

успевает сформироваться идея принадлежности книги кому-то, что свидетельствует об отчленении идеи отношения от идеи предмета, об их противопоставленности при использовании аналитической формы.

В древнерусском языке были широко распространены определенноличные односоставные предложения с глаголом-сказуемым в 1-м и 2-м лице (*Иду, Несешь*). Выраженность действия и лица в одном слове (глаголе) обуславливала их слитное отражение, снимала возможность их противопоставления и акцентирования одного из этих компонентов. По мнению А. А. Потебни, А. И. Соболевского, А. И. Томсона, А. А. Шахматова, С. П. Обнорского, Т. П. Ломтева, Е. И. Истриной, употребление местоимений (т. е. обращение к двусоставным предложениям) было вызвано необходимостью подчеркивания лица с помощью логического ударения, потребностью в выделении субъекта действия, в его противопоставлении действию, а также в противопоставлении одного субъекта другому, что невозможно без мысленного отделения субъекта от действия [28, с. 17—20, 60—63, 66, 73, 75—77].

Второй параметр — степень самостоятельности отражаемого содержания.

В отличие от первого параметра этот параметр характеризует то же структурное явление как бы с обратной стороны. Если в рамках первого параметра раскрывается отношение целой мысли к разным участкам ее содержания со стороны расчлененности (разделенности) в сознании объективно единого содержания, то в пределах второго параметра устанавливается обратное отношение разных участков содержания мысли ко всей данной мысли в том же аспекте.

В пределах второго параметра мыслительное содержание делится на отдельное — организованное в самостоятельную единицу мышления, особый сегмент (например, идея принадлежности, выражаемая предлогом во французском *le livre du frère*), и слитное — слившееся воедино с другим содержанием, не образующее отдельного сегмента (например, идея принадлежности, воспроизводимая словоформой неотделимо от идеи предмета в латинском *fratris liber*).

Отдельное содержание (сегмент), в свою очередь, может быть структурно несамостоятельным и структурно самостоятельным. Структурная несамостоятельность единицы мышления и языка состоит в том, что она оказывается неспособной выступать в определенном отношении к содержанию другой единицы и подключается к другой единице с целью раскрытия ее отношения или уточнения ее содержания. Структурно несамостоятельная единица мышления выражается в языке служебным словом. Такова, например, идея принадлежности, воссоздаваемая предлогом в приведенном выше французском словосочетании. Ее структурная несамостоятельность подтверждается недопустимостью смыслового вопроса к ней или от нее. Структурная самостоятельность единицы мышления и языка есть ее свойство выступать в определенном отношении к содержанию другой единицы (других единиц), о чем свидетельствует возможность постановки смыслового вопроса от данной единицы к другой или от другой единицы к данной, который и служит для выявления смыслового отношения. Если мы идею принадлежности выразим знаменательным словом, включенным в словосочетание или предложение, то она приобретет структурную самостоятельность. Например: *Я узнал о принадлежности книги брату*.

Третий параметр — распределение совокупного содержания мысли между ее компонентами.

В отличие от первого параметра, образующего чисто количественную сторону расчленения целостной мысли на отдельные сегменты, т. е. охватывающего лишь ее расчлененность на большее или меньшее количество компонентов, третий параметр объединяет в себе различные способы распределения содержания этой мысли между ее структурными компонентами, т. е. способы качественного расчленения мысли. При сохранении одного и того же совокупного содержания целостной мысли и количества составляющих ее компонентов это содержание может по-разному распре-

деляться между отдельными компонентами, потому что на стыке каждой двух непосредственно соотнесенных компонентов какая-то часть содержания может включаться то в состав одного, то в состав другого компонента.

Такие изменения формы как внутренней организации содержания чаще всего касаются слияния идеи отношения либо с компонентом, от которого направлено отношение, либо с компонентом, к которому направлено отношение.

Так, в русском *Иду через улицу* идея локального отношения подключена структурно к содержанию имени (т. е. к понятию о предмете), а в тождественном ему по объективному содержанию *Перехожу улицу* та же идея отношения вливается в содержание глагола (т. е. сливается с понятием о действии). В немецком *Ich steige auf den Berg* («Я поднимаюсь на гору») идея локального отношения структурно объединена с содержанием имени, в предложении же *Ich besteige den Berg*, отображающем ту же объективную ситуацию, идея того же отношения сливается с содержанием глагола.

В структуре предложения современных германских языков при наличии отрицательного местоимения недопустимо второе отрицание при глаголе (нем. *Niemand kam*, англ. *Nobody came*), что было характерно и для древнерусского языка. Например: *Никтоже приходилъ къ нимъ* («Житие Феодосия Печерского» — по списку XII в., л. 456) [28, с. 227—234].

В современном русском языке в подобных случаях обязательно употребление отрицательной частицы *не* перед глаголом, иначе окажется невозможным общеотрицательный смысл предложения (*Никто не пришел*). Такая языковая и семантическая форма обуславливает присоединение идеи отрицания к понятию о действии, которое в результате отрицается относительно всего класса предметов, обозначенных местоимением. Элемент *ни* в составе местоимения приобретает усилительно-разделительное значение, акцентируя факт отрицания действия относительно каждого предмета в пределах класса.

В соответствующем немецком, английском и древнерусском предложениях идея отрицания включается в содержание местоимения, которое в связи с этим выражает мысль об отрицаемом классе предметов. Утверждение же действия относительно отрицаемого класса предметов придает предложению такой же общеотрицательный смысл, какой наблюдается в местоименных общеотрицательных предложениях современного русского языка, но грамматическая и семантическая форма предложений с отрицательными местоимениями в немецком, английском и древнерусском языках оказывается иной.

Четвертый параметр — характер охвата отражаемого содержания.

Если предыдущий параметр выявляет отношение совокупного содержания целостной мысли к содержаниям ее компонентов, то рассматриваемый параметр обнаруживает обратное отношение содержания любого компонента к содержанию всей мысли, в состав которой он входит, а поскольку последняя может быть сколь угодно широкой по своему содержанию, постольку речь может идти об отношении содержания отдельной единицы мышления к любому более широкому содержанию, представленному в каждом данном случае в виде целостной более широкой мысли или не представленному. Это отношение состоит в концентрации в отдельном компоненте (в отдельной единице мышления) не только большего или меньшего содержания, но и именно данного содержания, а не другого. Если идея локального отношения действия к предмету сливается с понятием о действии в одном компоненте (*Перехожу улицу*), этот компонент шире охватывает определенное объективное содержание, чем компонент, отражающий действие в отвлечении от его локального отношения, например, в случае, когда идея этого отношения присоединяется к понятию о предмете (*Иду через улицу*).

Четвертый параметр связан также с первым и со вторым. Большая расчлененность мысли и соответственно сокращение количества участков

содержания, сливающихся в одном компоненте с другим содержанием, приводит к объединению (сужению) содержания отдельных компонентов. Во французском *le livre du frère* компонент мысли, выраженный существительным *frère* и отражающий предмет в отвлечении от отношения принадлежности, охватывает меньшее объективное содержание, чем в русском *книга брата* компонент мысли, воспроизводимый словоформой *брата* и отражающий тот же предмет слитно с отношением принадлежности. В санскрите возможны построения типа *убит ногами слонами*, в которых одновременно наблюдаются два параллельных отношения, исходящих от понятия о действии, — к понятию об орудии действия (убит чем? — *ногами*) и к понятию о субъекте действия (убит кем? — *слонами*). В русском языке подобные конструкции недопустимы. Они заменяются выражениями типа *убит ногами слонов*, в которых устанавливаются последовательные отношения понятия действия к понятию об орудии (убит чем? — *ногами*) и понятия об орудии к понятию о субъекте действия (чьими ногами? — *слонов*) [29].

Во втором именном компоненте русского *убит ногами слонов* и санскритского *убит ногами слонами* один и тот же предмет (слоны) отражается совместно с разными отношениями (схватывается, так сказать, в разных отношениях): в русском — совместно с отношением принадлежности (орудия субъекту действия), в санскритском — совместно с отношением осуществляемости (действия субъектом). Таким образом, характер охвата предмета в содержании данного компонента изменяется при переходе от одного языка к другому.

Разница между конкретными и соответствующими абстрактными понятиями (*храбрец* — *храбрость*, *мудрец* — *мудрость*) состоит в различном характере охвата содержания: признак отражается в одном случае совместно с его носителем, в другом — изолированно от носителя.

Противопоставленность различных частей речи создается тоже благодаря различному характеру охвата отражаемых фактов: например, в лексико-грамматическом значении существительного отражаются предметы и явления отвлеченно от отношения к ним со стороны других предметов и явлений (*весна*, *шум*, *помощь*, *вопрос*), в то время как наречия могут отражать те же явления совместно с обстоятельственным отношением к ним со стороны других явлений (*весной*, *шумно*), а глаголы часто отображают те же явления слитно с отношением их осуществления, исходящим от других предметов и явлений (*помогаю*, *спрашиваю*). Поэтому наречия иногда допускают замену равноценными по содержанию сочетаниями существительных с предлогами (*по весне*, *с шумом*), а глаголы — сочетаниями отглагольных существительных с очень отвлеченными по значению глаголами, обозначающими лишь активное осуществление действия как таковое (*оказываю помощь*, *задаю вопрос*).

Именно таким формально-семантическим различием между частями речи можно объяснить, почему одни и те же объективные явления могут называться в разных языках словами различных частей речи. Так, индоевропейским существительным, обозначающим отрезки времени (*зима*, *лето*), в языке индейцев хопи соответствуют наречия, а индоевропейским существительным процессуального значения (*молния*, *волна*, *пламя*) — глаголы [30, 31]. Характером охвата содержания определяются различия в семантике морфологических форм (ср. *письмо сына* и *письмо сыну*, где одно и то же лицо — сын — отражается в разных отношениях благодаря употреблению различных падежных форм).

Четыре проанализированных параметра объединяются тем, что в них воплощены отношения между мыслительными единицами разных уровней — между более или менее широкими построениями мысли, с одной стороны, и их компонентами, с другой. Общность четырех следующих параметров состоит в том, что все они характеризуются отношениями между мыслительными единицами одного уровня — между компонентами в пределах одной более широкой мысли.

Пятый параметр — порядок следования компонентов мысли.

Порядок слов оказывает влияние на порядок следования компонентов мысли, так как появление каждого компонента мысли стимулируется соответствующей ему материальной единицей языка. Поскольку же языки различаются порядком слов в предложении и словосочетании, постольку и порядок следования компонентов мысли может быть различным при мышлении на разных языках.

Присущий латинскому языку порядок слов породил такой порядок следования компонентов мысли, при котором определяющие компоненты мысли предшествовали определяемым. Но уже в самой латыни зародился новый порядок слов, получивший распространение и закрепление в романских языках, который обуславливал следование определяющих компонентов мысли за определяемыми [27, с. 102].

В литовском языке несогласованные определения в род. падеже предшествуют определяемым существительным, в русском — следуют за ними (ср. литов. *autobuso sustojimo vieta*, *Gedemino pilies bokštas* и соответствующие им по объективному содержанию русские *место остановки автобуса*, *башня замка Гедеминаса*), и в этом проявляется обусловленная строем языка особая манера в расположении компонентов мысли.

В процессе формирования национального немецкого языка в нем распространилась и закрепилась так называемая рамочная конструкция, важнейшей особенностью которой является расположение неизменяемой части сказуемого в конце самостоятельного простого предложения и сказуемого в полном составе в конце придаточного предложения [32, с. 133 и сл.]. При таком порядке слов действие (предикативный признак) мыслится после всех связанных с ним предметов и явлений: субъекта (носителя), объектов, обстоятельств и их признаков. При мышлении на основе многих других языков (например, русского) действие (предикативный признак) осознается непосредственно после субъекта (носителя) или до него (во всяком случае раньше большинства связанных с ним предметов и явлений при их значительном количестве).

Шестой параметр — система отношений между компонентами мысли.

Человек не может отобразить природу сразу во всей ее полноте [см. 22, с. 164]. Он вынужден познавать ее по частям, причем любой ее отрезок не может быть охвачен полностью в одном познавательном акте и всякий раз отражается с разных сторон. Поэтому, познавая один и тот же участок объективной реальности, люди могут изображать в одних случаях отношения между одними его частями, а в других — между другими. В связи с этим возникают различия в системе отношений между компонентами мыслей, тождественных по объективному содержанию: при одной структуре мысли устанавливаются непосредственные отношения между одними компонентами, при другой — между другими.

На древней стадии номинативного строя языка любой атрибут мыслился как принадлежащий непосредственно предмету. Отношение признака к признаку заменялось прямым отношением признака к предмету. Вместо *Он пришел ночью* в то время говорили *Он пришел ночной*, вместо *тяжелый раненный человек* — *тяжелый раненый человек*. Обстоятельственные синтаксические отношения, раскрывающие принадлежность признака признаку, на этой стадии еще не представлены. Они появились позже в результате развития древнего номинативного строя [33].

XVI—XVII вв. ознаменовались развитием в строе немецкого языка прежде отсутствовавших инфинитивных оборотов, вводимых предложениями *ohne*, *um*, *statt* [32, с. 6], типа *Er antwortete, ohne zu zaudern* («Он отвечал не колеблясь»). Если сравнить приведенное предложение с тождественными ему по объективному содержанию предложениями *Er antwortete und zauderte nicht* («Он отвечал и не колебался») и *Er antwortete ohne Zaudern* («Он отвечал без колебания»), которые были возможны и раньше, легко установить различия в системе отношений между компонентами выражаемых мыслей. В первом предложении отражены отношения субъекта действия к обоим действиям и отрицательное обстоятельственное отношение первого действия ко второму (ответа к колебанию). Во втором предложении также

раскрываются отношения субъекта к обоим действиям, но не выявляется отрицательное обстоятельственное отношение ответа к колебанию. В третьем предложении отражаются отношения субъекта лишь к первому действию и отрицательное обстоятельственное отношение первого действия ко второму.

В немецком языке оборот «винительный падеж с инфинитивом» употребляется после глаголов чувственного восприятия, что невозможно в русском языке. Поэтому предложение *Ich höre einen Vogel singen* (букв. «Я слышу птицу петь») придется перевести на русский язык (если мы хотим оставаться в рамках простого предложения) как «Я слышу пение птицы». При этом системы отношений между компонентами мысли в немецком и русском предложениях оказываются неодинаковыми. В немецком предложении отражаются непосредственные отношения слухового восприятия к птице, слухового восприятия к пению и птицы к пению. В русском предложении отображены лишь два из трех отмеченных отношений: непосредственное отношение слухового восприятия к птице в нем отражения не находит.

Для санскрита, как отмечалось, была типична страдательная конструкция, в которой одновременно отражались отношение между действием и его орудием и отношение между действием и его субъектом (*убит ногами слонами*). В русском языке такая структура заменяется построением *Убит ногами слонов*, благодаря которому раскрывается то же отношение между действием и орудием, но вместо непосредственного отношения действия к субъекту выявляется отношение между орудием и субъектом.

Седьмой параметр — направленность отношений между компонентами мысли.

В действительности всякое отношение между предметами есть взаимоотношение, поэтому любому отношению, направленному от одного предмета к другому, соответствует обратное отношение, направленное от второго предмета к первому. (Так, если первый предмет больше второго, то второй предмет меньше первого.) В мыслительном же акте в каждый данный момент отражается лишь одно отношение, в связи с чем при отображении взаимоотношения между определенными объективными явлениями направленность отношения между соответствующими им компонентами мысли может оказаться различной.

В двусоставном предложении *Выступают акробаты* и в односоставном номинативном предложении *Выступление акробатов* выражаются отношения между тождественными по объективному содержанию компонентами мысли; но в первом случае отношение направлено от понятия от акробатах к понятию о выступлении (речь идет о совершении акробатами определенного действия), что может быть обнаружено с помощью смыслового вопроса, направленного от компонента *акробаты* к компоненту *выступают* (что делают акробаты?); во втором же случае непосредственно раскрывается отношение выступления к акробатам (выступление как активный признак характеризуется со стороны его принадлежности акробатам), об этом свидетельствует вопрос, задаваемый от компонента *выступление* к компоненту *акробаты* (чье выступление?).

В древнерусском языке употреблялись двусоставные отрицательные предложения бытия, в которых глагол сочетался с им. падежом имени. Например: *Николѣжъ въ Великомъ Новѣгородѣ таково пожаръ не бывалъ* (Новг. лет., II, 64). В таких предложениях отражено отношение предмета (пожара) к отрицательному признаку, каковым является небытие, а именно обладание небытием. Уже в древнейших памятниках личные предложения с отрицанием при глаголе бытия почти полностью вытеснены безличными, свойственными и современному русскому языку [34]. Теперь бы мы сказали: *Не было пожара*. При безличной структуре раскрывается отношение отрицательного признака к предмету (отнесенность небытия к пожару). Это подтверждается направленностью вопроса от глагола к имени (не было чего?).

В современном русском языке при изображении отношения между действием или состоянием и исполнителем действия или носителем состояния

часто используются безличные односоставные предложения с безличными глаголами, образованными от личных с помощью суф. -ся: *Вам пишется легко, Ему работается хорошо, Как тебе служится?, Мне не спится, Всем вольно дышится* и т. п. Немецкий язык в этом случае предпочитает двусоставные предложения, в которых отражается отношение исполнителя (или носителя) действия (или состояния) к самому действию (или состоянию), а именно совершение действия его исполнителем или обладание носителем определенным состоянием (например: *Wie dienst du?* «Как ты служишь?»). В соответствующих же односоставных предложениях русского языка раскрывается обратное отношение — отношение действия или состояния к производителю или носителю, а именно принадлежность действия или состояния производителю или носителю (отнесенность действия или состояния к производителю или носителю).

Восьмой параметр — собственно отношения между компонентами мысли.

При отражении одного и того же объективного содержания различия в системе отношений между компонентами мысли и в направленности этих отношений обычно сочетаются с различиями в самих отношениях. Если в санскритском *убит ногами слонами* отражено отношение осуществимости действия его субъектом, то в соответствующем русском *убит ногами слонов* в силу непосредственной соотнесенности понятия о субъекте действия лишь с понятием об орудии отображается отношение принадлежности орудия субъекту. В немецком *Wie dienst du?*, как было отмечено, раскрывается отношение совершения действия субъектом, в то время как в русском *Как тебе служится?* выявляется отношение принадлежности действия субъекту (отнесенность действия к субъекту).

В двусоставном предложении из древнерусского языка *За много летъ не бывала такоа вода* (Пск. лет., I, 134) отражено отношение обладания предмета отрицательным признаком, в соответствующем односоставном *Много лет не было такой воды* — обратное отношение, т. е. отнесенность признака к предмету.

Из понимания формы как внутренней структуры содержания следует вывод о невозможности каких-либо иных параметров семантических форм, кроме описанных восьми. В самом деле, структура есть не что иное, как расчлененность целого на части и взаимоотношение между этим целым и его частями, а также частей между собой. В чисто структурном плане возможны лишь четыре вида отношения между целостной мыслью и ее компонентами:

- 1) со стороны целостной мысли:
 - а) расчленение ее именно на данное количество компонентов,
 - б) именно данное распределение совокупного содержания мысли между ее компонентами;
- 2) со стороны каждой части:
 - а) выделенность или невыделенность данной части содержания в особый сегмент (компонент), структурная самостоятельность или несамоостоятельность этого сегмента в рамках целого,
 - б) воплощение именно данной части совокупного содержания в данном компоненте.

Между компонентами единой мысли допустимы тоже лишь четыре вида отношений:

- 1) порядок следования компонентов;
- 2) непосредственная соотнесенность каждого данного компонента с определенным другим (с определенными другими);
- 3) раскрытие в данном компоненте отношения его содержания к содержанию другого компонента (других компонентов) или отношения содержания другого компонента (других компонентов) к его содержанию, поскольку одновременно оба отношения отражены быть не могут;
- 4) отражение в данном компоненте именно данного отношения из множества объективно существующих отношений отображаемого в компоненте явления.

Единство формальных особенностей любой мысли во всех восьми параметрах и составляет ее конкретную семантическую форму как способ внутренней организации содержания. Покажем это на примере активной (действительной) и пассивной (страдательной) конструкций в немецком языке: *Paul trinkt Milch* и *Milch wird von Paul getrunken*. Содержание первого предложения расчленено на три компонента, содержание второго — на четыре; идея производимости действия его субъектом выражается предлогом *von* и выступает как отдельная единица, чего нет в первом предложении, в котором идея отношения между субъектом действия и действием поглощается содержанием глагола и сливается с идеей действия. Отношение между действием и объектом в каждом из двух случаев отражается слитно с другим содержанием. Мысли, выраженные обоими предложениями, состоят из трех структурно самостоятельных компонентов, соответствующих трем знаменательным словам.

Различны распределение совокупного содержания между структурно самостоятельными компонентами мысли и, значит, характер охвата отражаемого содержания в каждом компоненте. В первом предложении идея отношения между субъектом действия и действием сливается с содержанием понятия о действии, обогащая его. На стыке понятий о действии и объекте происходит расщепление идеи отношения: идея собственно отношения (влияния действия на объект) включается в содержание понятия о действии (в словоформе *trinkt* при данном контексте мыслится воздействие на какой-либо объект), идея направленности этого отношения на определенный объект сплавляется с понятием о самом объекте.

Во втором предложении идея отношения между субъектом действия и действием в виде структурно несамостоятельного компонента, выраженного предлогом *von*, подсоединяется к понятию о субъекте, образуя с ним один структурно самостоятельный компонент, хотя и не сливается с ним в одной структурно нечленимой единице. Идея отношения между действием и объектом полностью (т. е. в единстве собственно отношения и его направленности) сливается с понятием о действии в едином нечленимом сегменте¹.

Порядок следования компонентов мысли в сопоставляемых предложениях различен: в первом предложении — понятие о субъекте, понятие о действии, понятие об объекте, во втором — понятие об объекте, понятие о субъекте, понятие о действии.

Система отношений в обоих случаях одинакова (понятия о субъекте и объекте непосредственно соотнесены с понятием о действии); направленность отношений различна: в первом предложении — от понятия о субъекте действия к понятию о действии, от него к понятию об объекте; во втором — от понятия об объекте к понятию о действии, от него к понятию о субъекте действия. В связи с этим отражаемые отношения оказываются неидентичными: в первом предложении отражаются отношение совершения действия субъектом и влияние действия на объект, во втором — испытывание (восприятие) действия объектом и совершаемость действия субъектом.

Проведенный анализ показал, что семантические формы мышления неразрывно связаны с грамматическими формами, что они, в сущности, составляют собственно грамматическую семантику² тех грамматических форм, которые не являются универсальными и не выражают логических форм как общечеловеческих способов внутренней организации мысли. Логические формы мышления выступают в качестве собственно грамматической семантики универсальных языковых форм; семантические формы — принадлежность специфической сферы (стороны) грамматического строя конкретных языков, в совокупности они образуют ее план содержания и вместе с системой материальных грамматических форм (структур) определяют своеобразие грамматического строя каждого языка.

¹ О различии между действительными и страдательными конструкциями в способе отражения одних и тех же фактов действительности см. [8, с. 119—120; 9, с. 131—133; 35, 36].

² См. в связи с этим [37—39].

Поскольку грамматические формы воплощают в себе либо логические формы мышления, либо семантические, изучение грамматического строя языка должно основываться на анализе тех и других мыслительных форм. Такой подход к грамматике в целом можно назвать формально-семантическим, ибо, в конечном счете, и логические формы как способы организации содержания составляют тоже формальную семантику языковых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чесноков П. В. Логическая фраза и предложение. Ростов-на-Дону. 1961.
2. Чесноков П. В. Основные единицы языка и мышления. Ростов-на-Дону, 1966, с. 121—126.
3. Чесноков П. В. О взаимосоответствии формальных типов языковых и логических построений. — В кн.: Язык и мышление. М., 1967, с. 90, 94.
4. Панфилов В. З. Грамматика и логика. М.—Л., 1963, с. 14.
5. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, с. 113—114.
6. Виззалов П. И. Некоторые вопросы диалектики соотношения языка и мышления. Казань, 1962, с. 6.
7. Мещанинов И. И. Проблемы развития языка. Л., 1975, с. 33.
8. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977.
9. Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.
10. Маркс К. Письмо Л. Кугельману. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 32, с. 461.
11. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958.
12. Потебня А. А. Мысль и язык. — Полн. собр. соч. Т. I. Одесса, 1922, с. 16—18.
13. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958, с. 136—139.
14. Березин Ф. М. Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1973, с. 69—75, 156—157.
15. Holz H. Sprache und Welt. Probleme der Sprachphilosophie. Frankfurt-am-Main, 1953, S. 59 и сл.
16. Steintal H. Grammatik, Logik und Psychologie. Ihre Prinzipien und ihr Verhältnis zu einander. Berlin, 1855.
17. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960, с. 57.
18. Jespersen O. Logic and grammar. Oxford, 1924, p. 4.
19. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958, с. 56—57.
20. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970, с. 80—81.
21. Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968, с. 62.
22. Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч., т. 29.
23. Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977, с. 56—62.
24. Чесноков П. В. Семантические формы мышления и грамматика. — В кн.: Значение и смысл речевых образований. Калинин, 1979, с. 126—145.
25. Чесноков П. В. Семантические формы мышления как значение грамматических форм. — В кн.: Семантика грамматических форм. Ростов-на-Дону, 1982, с. 3—11.
26. Серебrenников Б. А. О материалистическом подходе к явлению языка. М., 1983.
27. Сергиевский М. В. Введение в романское языкознание. 2-е изд. М., 1954.
28. Борковский В. И. Сравнительно-исторический синтаксис восточно-славянских языков. Типы простого предложения. М., 1968.
29. Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. 2-е изд. СПб., 1912, с. 25.
30. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960, с. 145—147, 153—154.
31. Уорф Б. Наука и языкознание. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. I, с. 176—177.
32. Адмони В. Г. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. Л., 1966.
33. Кацнельсон С. Д. Номинативный строй речи. I. Атрибутивные и предикативные отношения: Тезисы диссертации на соискание степени доктора наук. М.—Л., 1939, с. 3.
34. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968, с. 376—380.
35. Сусов И. П. Семантическая структура предложения. Тула, 1973, с. 21, 28—29.
36. Кубик М. Модели двусоставных глагольных предложений русского языка в сопоставлении с чешским. Прага, 1977, с. 21—30, 59.
37. Попова И. А. Сложносочиненное предложение в современном русском языке. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 391—392.
38. Кодухов В. И. Грамматические и понятийные значения. — В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1963, с. 253.
39. Чеснокова Л. Д. Конструкции с предикативным определением и структура предложения в современном русском литературном языке. Ростов-на-Дону, 1972, с. 22—24.